

НАРОДЫ СССР

В. М. Шамиладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 340 с., илл., карта.

В этнографической науке (как советской, так и зарубежной) не ослабевает интерес к вопросам традиционного скотоводческого хозяйства. Это и понятно: в разработке таких важных культурно-исторических проблем, как происхождение скотоводства, сложение его основных форм и типов, воздействие последних на социальную организацию и социальные институты, генезис различных пород домашних животных и др., значение этнографических исследований исключительно велико. В свете сказанного большой интерес представляет книга В. М. Шамиладзе — одна из крупнейших в отечественной этнографии работ, посвященных проблемам традиционного скотоводческого хозяйства.

Кавказ с его многообразием природных условий, древностью традиционных систем хозяйства, сложностью этнокультурной и политической истории всегда привлекал внимание ученых разных специальностей. Начиная с середины XIX в. скотоводство изучалось здесь специалистами сельского хозяйства, экономистами, географами, этнографами и археологами. В результате накопились обширные и разнообразные сведения по этой важной отрасли хозяйства. Их систематизация и обобщение, создание научной классификации традиционных форм кавказского скотоводства стали одной из первоочередных задач этнографов, особенно в связи с составлением историко-этнографического атласа Кавказа и работой по хозяйственно-культурному районированию этого региона.

В последние годы появились этнографические публикации, полностью или частично посвященные типологии скотоводства отдельных областей Кавказа¹. В капитальном труде В. М. Шамиладзе классификация скотоводства Грузии и детальный анализ каждой из выявленных его форм занимают центральное место: этой проблеме отведены две из трех глав, т. е. $\frac{2}{3}$ объема книги. Планомерные полевые исследования, проведенные автором в 1959—1975 гг. почти во всех районах Грузии и некоторых сопредельных территориях, позволили ему насытить книгу первоклассным конкретным материалом, ввести в научный оборот новые данные. Не будет преувеличением сказать, что содержащиеся в ней этнографические сведения станут надежным первоисточником при дальнейших сравнительно-исторических исследованиях хозяйства и быта населения не только Кавказа, но и других горных стран с аналогичными способами ведения хозяйства. Рассмотрение форм грузинского скотоводства на общекавказском фоне, а также сравнение их с формами, характерными для стран Средиземноморского бассейна, и особенно с европейскими так называемыми альпийскими формами дали возможность автору выявить в традиционном скотоводстве Грузии черты, как общие для всего Кавказа (а порой и шире — горных стран вообще), так и специфически грузинские.

Однако В. М. Шамиладзе не ограничивается разносторонней (как в хозяйственно-культурном, так и социально-экономическом аспектах) характеристикой форм скотоводства второй половины XIX—начала XX в. В третьей, заключительной главе «Культурно-исторические и теоретические проблемы скотоводства Грузии» дается историко-этнографический анализ всего содержащегося в книге материала: определено место каждой формы скотоводства в системе хозяйства каждой из природных зон Грузии, выявлены особенности генезиса и развития традиционных социальных институтов, связанных с организацией труда в скотоводстве, рассмотрены некоторые вопросы социально-экономического развития горной ее части в связи с характерными для нее формами скотоводства, прослежены генезис и основные этапы развития главных форм грузинского скотоводства. Насколько мне известно, столь разностороннее историко-этнографическое исследование скотоводства в отечественной этнографии осуществлено впервые.

¹ *Мкртумян Ю. И.* Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX в. — Сов. этнография, 1968, № 4; *Шамиладзе В. М.* Альпийское скотоводство в Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1969 (на груз. яз.); *Мкртумян Ю. И.* Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX — начало XX в.). — В кн.: Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования, 6. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974; *его же.* К изучению форм скотоводства у народов Закавказья. — В кн.: Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971; *Гаджиев М. А.* Скотоводство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1979; и др.

За основу типологической классификации принята форма скотоводства. Этим термином автор, как и Ю. И. Мкртумян², обозначает комплекс прочно установившихся приемов и методов ведения скотоводческого хозяйства. При выборе критериев для разграничения форм скотоводства В. М. Шамиладзе исходит из того, что на Кавказе одним из определяющих признаков процесса возникновения и развития той или иной формы хозяйства была резко выраженная вертикальная зональность природно-экологической среды; зональность как хозяйственно-географический фактор оказывала определенное влияние и на социальную организацию общества — на формы семьи, характер общины, различные трудовые объединения крестьян и т. д. (с. 6). Поэтому при выделении основных форм скотоводства В. М. Шамиладзе руководствуется следующими главными критериями: 1) территориальное расположение постоянных поселений, сезонных пастбищ и сенокосов (я бы сказала: расположение в той или иной зоне и территориальное соотношение) и их (т. е. поселений, сезонных пастбищ и сенокосов) хозяйственные взаимоотношения; 2) вытекающие отсюда характерные особенности семейного быта, связанные с ведением той или иной формы скотоводческого хозяйства. Как бы второстепенными критериями (поскольку они определяются главными) служат: годичный цикл ухода за скотом, заготовка кормов и режим кормления, характер использования пастбищ и параллельных хозяйственных баз и др. Они отражают основные особенности отдельных форм и подвидов (вернее, разновидностей) скотоводства (с. 59).

Автором разработана также типология постоянных и сезонных поселений, хозяйственных баз, жилых и хозяйственных комплексов в них. Подробные описания названных объектов иллюстрируются рисунками и чертежами. Характеристика годичного цикла ухода за скотом (при каждой форме скотоводства) снабжена примерами и весьма наглядными картами, на которых показаны размещение конкретных селений, их земельных угодий, параллельных хозяйственных баз, сезонных пастбищ, направления маршрутов отгона или перегона различных видов скота. Конкретные данные по всей Грузии обобщены на двух картах ареалов основных форм скотоводства.

В книге богато представлены местные термины (указатель терминов занимает восемь страниц). Не могу не отметить почти исчерпывающее использование литературы, в том числе и зарубежной, привлечение трудов специалистов естественных дисциплин (геоботаников, почвоведов, зоотехников, географов и др.), а также высокий уровень ссылочного аппарата.

Разработанную В. М. Шамиладзе классификацию я попыталась представить в таблице:

Скотоводство Грузии

Формы скотоводства	Подвиды	Формы скотоводства	Подвиды
Равнинное	Экстенсивное шалашное хозяйство Подсобное скотоводство	Перегонное (трансюманс)	Восходящий трансюманс Промежуточный трансюманс Нисходящий трансюманс
Горное ✓	Отгонное скотоводство Внутриальпийское скотоводство	Кочевое	Вертикально-зональное кочевничество Полукочевничество

Эта классификация не лишена дискуссионных моментов. Как видим, не все формы скотоводства могут быть поставлены в один ряд, ибо при их выделении автор не всегда исходит из одинаковых посылок: критерием для выделения первых двух форм служит географический признак (зональность), третьей — способ выпаса и содержания скота, а последней — образ жизни.

Неправ, на мой взгляд, в этом вопросе и Ю. И. Мкртумян, с которым дискутирует автор. Выделяя основные формы скотоводства Закавказья, Ю. И. Мкртумян в одном ряду с оседлой, кочевой и полукочевой формами называет и отгонную³. Последняя же, как известно, — одна из форм выпаса и содержания скота, характерных для оседлого типа скотоводства.

Мне представляется, что эта нелогичность связана с тем, что оба исследователя откалались от понятия «тип скотоводства» (таксономически более высокого, чем форма), основным принципом выделения которого должен быть образ жизни⁴. Типами ското-

² Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1968, с. 4.

³ Мкртумян Ю. И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа. — Сов. этнография, 1972, № 2, с. 67.

⁴ Именно образ жизни положен, например, в основу выделения наиболее крупных групп, или «таксонов» первого порядка, при разработке типологии такого важного элемента материальной культуры, как традиционное сельское жилище, в одном из последних исследований на эту тему. См. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979, с. 6, 9, 10 (принципы типологизации разработаны Н. Н. и И. А. Чебоксаровыми и Я. В. Чесновым).

водческого хозяйства, выделенными по этому принципу, будут оседлый, кочевой и комплексный с подтипами полукочевой и полуседлый⁵. Они отражают почти все важнейшие параметры образа жизни сельского населения земного шара со времени зарождения номадизма и до утверждения капиталистического способа производства⁶. При анализе конкретного материала эти параметры определяются соотношением земледелия и скотоводства, а также тем или иным сочетанием различных форм скотоводства в конкретных географических условиях.

Если в классификацию, предложенную В. М. Шамиладзе, ввести понятие «тип скотоводства», то имеющийся в ней разнобой в терминах в значительной степени снимется; будут представлены типы: оседлый с подтипами равнинным, горным и перегонным (трансюманс, трансгуманс)⁷, кочевой и комплексный с полукочевым подтипом⁸. Но некоторое несоответствие отдельных категорий друг другу все же сохранится, ибо, строго говоря, можно возразить, как отмечалось выше, и против выделения в одном ряду с перегонным скотоводством горного и равнинного (см. табл.). Поскольку трансюманс — одна из форм ведения скотоводческого хозяйства, логичнее было бы, на мой взгляд, поставить его в один ряд с остальными подобными формами — отгонным скотоводством, внутриальпийским⁹, экстенсивным шалашным, подсобным и др. Тогда отпала бы необходимость выделения форм «горное скотоводство» и «равнинное скотоводство». Они, мне кажется, и неуместны в классификации как термины для обозначения отдельных категорий, ибо не сами природные зоны, а зависящие от них особенности годового цикла ухода за скотом должны выступать в роли критериев, отграничивающих одну форму от другой. Однако в названиях разделов книги, в расположении материала они, несомненно, могут присутствовать: две первые (отгонная и внутриальпийская) формы как характерные для горной зоны закономерно рассматривать вместе в особом разделе. То же следует сказать и о формах «экстенсивное шалашное хозяйство» и «подсобное скотоводство», характерных для равнинной зоны. Следовательно, мои замечания относятся не к структуре книги — она продумана автором и в целом, и в деталях, а к классификации и особенно к терминологии.

Не могу не остановиться еще на некоторых терминах. Термин «подсобное скотоводство» (см. табл.) представляется мне не совсем удачным: во-первых, он не дает представления о формах содержания скота и потому не соответствует другому подвиду равнинного скотоводства — экстенсивному шалашному хозяйству; во-вторых, последний подвид имеет по существу тоже подсобное значение. Думается, что название «стойлово-выгонный» (у археологов встречается еще термин «придомное») полнее раскрывает сущность этого подвида, так же как название «стойлово-выгонно-отгонный» более точно отражает содержание того подвида, который автор обозначил малопонятным термином «экстенсивное шалашное хозяйство».

За той очень своеобразной и глубоко традиционной для оседлого населения горной зоны Закавказья формой, которую автор назвал отгонной, я бы сохранила уже в какой-то степени закрепившийся за ней термин «яйлажное скотоводство». Во-первых, название «отгонное скотоводство» понимается гораздо шире, особенно в наше время¹⁰, во-вторых, при отгонной форме отправляются вместе со скотом на более или менее

⁵ Близкая к этой типологии (с выделением в качестве самостоятельного полукочевых типа) была представлена в кавказоведческой литературе (*Тамашев А. З.* Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1947, с. 17) и особенно распространена в этнографической и археологической литературе о народах Средней Азии и Казахстана и аридной зоны вообще (библиографию см.: *Симаков Г. Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов. — Сов. этнография, 1978, № 6, с. 14; *Андреанов Б. В.* Неоседлое население мира и опыт его картографирования. — В кн.: Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978, с. 120—122).

⁶ *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования. — Сов. этнография, 1972, № 2, с. 8.

⁷ Автор, полемизируя с Ю. И. Мкртумяном, отметил недопустимость объединения в одну форму равнинного скотоводства и скотоводства высокогорной зоны (с. 56). Но прав, на мой взгляд, Ю. И. Мкртумян: эти формы объединяет принадлежность к одному типу — типу оседлого скотоводства. Если бы Ю. И. Мкртумян ввел в свою классификацию понятие о типе, то и отгонная форма в его работе не была бы отторгнута от оседлого скотоводства.

⁸ Вряд ли можно в качестве подвидов кочевого скотоводства (см. табл.) ставить в один ряд форму кочевания (вертикально-зональное кочевание) и образ жизни (полукочевничество).

Поскольку в книге нет данных как о соотношении скотоводства и земледелия у кочевников и полукочевников, так и о характере их земледелия, то трудно судить о подтипах кочевого и комплексного скотоводства.

⁹ «Внутриальпийским» названо автором скотоводство высокогорной зоны, где длительное стойловое содержание скота в зимний период сменялось выпасом его на окружающих селение субальпийских и альпийских пастбищах в теплое время года; тут же находились и покосы. Поскольку злаки здесь не всегда вызревали, скотоводство было ведущей отраслью хозяйства горцев, однако рост поголовья ограничивался необходимостью длительного содержания скота в стойле.

¹⁰ При отгонной форме весь скот или часть его содержится в течение определенного периода года (иногда даже весь год) на более или менее удаленном от постоянного (или временного, сезонного) поселения пастбище под присмотром пастухов. Далее термин «отгонное скотоводство» я буду употреблять в этом значении.

удаленные от постоянного поселения пастбища только пастухи, в то время как при яйлажной форме на отгонное пастбище переселяется на теплое время года часть семьи, в том числе женщины, которые занимаются там, в частности, заготовкой на зиму молочных продуктов¹¹.

Можно было бы еще «придаться» к тому, что перегонное скотоводство (трансюманс), выделенное автором в качестве самостоятельной формы, некоторыми исследователями характеризуется как пастушеское отгонное скотоводство с сезонными продолжительными перегонами скота¹². Особой формой отгонного скотоводства считает трансюманс и Г. Н. Симаков, ссылаясь на то, что скот «на отгоне» может содержать «несколько месяцев, год или даже несколько лет»¹³. Но в этом вопросе я на стороне В. М. Шамиладзе. Принципиальное отличие трансюманса от отгонной формы (в широком значении) заключается в том, что при нем отгон на тот или иной срок (пусть длительный) вообще исключается, ибо скот постоянно находится вне земельных угодий основных поселений — его круглый год выпасают на сезонных пастбищах, перегоняя с зимних пастбищ, расположенных на равнине, к летним высокогорным и обратно, как это принято при кочевом скотоводстве, но с той существенной разницей, что в отличие от последнего при трансюмансе сопровождает не вся семья, а только пастухи. Именно территориальное исключение основных земледельческих поселений из годового цикла ухода за скотом как одну из характерных черт трансюманса подчеркивает В. М. Шамиладзе (с. 46).

О том же пишет и швейцарский географ Г. Бёш: «Характерная черта трансгумаций (трансюманса.— Б. К.) состоит не столько в перегонах скота», ибо перегоны, по его словам, имеют место и во многих других случаях в сочетании с оседлым хозяйством, «сколько в том, что этот тип хозяйства существует бок о бок с оседлым земледелием». И далее: «Две совершенно самостоятельные формы сельского хозяйства оказываются как бы наложенными одна на другую». От других форм оседлого типа скотоводства, как подчеркивает Г. Бёш, трансюманс отличается «полным отсутствием каких-либо связей с оседлым земледелием»¹⁴.

Думается, что последний тезис Г. Бёша — результат ориентации в основном не на крестьянские хозяйства. Он исследует главным образом случаи, когда «собственниками стад... бывают люди, не занимающиеся сельским хозяйством, или же организации, для которых принадлежащий им скот — лишь одна из форм вложений капитала»¹⁵. Когда же владельцы стад — крестьяне, то, судя по европейским и кавказским материалам, между двумя видами хозяйства — скотоводством и земледелием — устанавливаются связи, однако они, как подчеркивает В. М. Шамиладзе, не имеют непосредственного отношения к уходу за скотом, а носят хозяйственно-организационный характер: снабжение пастухов продуктами, помощь во время окота и стрижки и при подготовке стада для перегона в горы и т. д. (с. 46).

Трансюманс в Грузии отличался от остальных бытовавших здесь форм скотоводства не только отмеченными главными особенностями. От кочевничества его отличало еще наличие постоянных хозяйственных баз со стационарными постройками для обслуживающего персонала и скота как на зимних, так и на летних пастбищах. От яйлажного скотоводства (оно названо автором отгонным) трансюманс отличало отсутствие стойлового содержания скота в зимний период, обслуживание стад лишь мужчинами (владельцами скота или членами их семей), ведение ими (т. е. мужчинами) молочного хозяйства с целью изготовления сыра не столько для собственного потребления, сколько для продажи, объединение владельцев непременно одинаковых количества, видов и пород скота в особые товарищества со строгим разделением труда между его членами (с. 143—171, 176—185). Именно благодаря специализации и товарности молочного хозяйства при трансюмансе, оно переходит в руки мужчин. Правда, вплоть до середины XIX в. это лишь мелкотоварное производство феодальной эпохи, но все же оно имеет качественные отличия от присущего яйлажному скотоводству женского домашнего производства продуктов для собственной семьи. Специализацию мужского труда в объединениях перегонного скотоводства (наряду с рациональной системой использования пастбищ) и автор справедливо считает прогрессивным явлением «грузино-кавказской хозяйственной культуры» (с. 318). Недаром именно с перегонной формой было связано развитие капиталистического предпринимательства в скотоводстве Грузии (с. 320).

В этом плане показательна прослеженная В. М. Шамиладзе эволюция социально-экономической природы объединений крестьян для совместного занятия перегонным скотоводством. Первоначально в эти объединения входили кровные родственники, затем преимущественно соседи, а со второй половины XIX в., с проникновением в деревню товарно-денежных отношений и появлением кулацких хозяйств, владельцы скота

¹¹ Указанное принципиальное отличие (наряду с некоторыми другими) яйлажной формы от отгонной сформулировано (опираясь на сложившиеся в литературе понятия) Г. Н. Симаковым в объяснительной записке к карте типов скотоводства 1-го выпуска Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана (рукопись находится в Институте этнографии АН СССР).

¹² Андрианов Б. В. Указ. раб., с. 135.

¹³ Из письма Г. Н. Симакова автору данной рецензии.

¹⁴ Бёш Г. География мирового хозяйства. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966, с. 59, 60. Здесь же см. определение термина «трансгумация» и характеристику этой формы скотоводства в странах Средиземноморья.

¹⁵ Там же, с. 59.

(предприниматели) под видом традиционных крестьянских товариществ эксплуатировали наемный труд пастухов.

При характеристике трансюманса В. М. Шамиладзе обращает внимание еще на одну чрезвычайно важную черту: перегонное скотоводство обычно сосуществует с какой-либо другой формой. Наличие в хозяйстве двух независимых форм скотоводства определяет особенности распределения труда среди членов семьи. «На равнине, в предгорье и высокогорье, — отмечает автор, — часть мужчин была занята перегонным овцеводством, а часть женщин — равнинным (на равнине), горным отгонным (в предгорье) и внутриапальийским (в высокогорье) скотоводством. Оба названных контингента работников вместе с тем принимали активное участие в полеводстве, виноградарстве и садоводстве (на равнинах и в предгорье), а также в ведении покосного хозяйства (в высокогорье и предгорье)» (с. 145).

Выделение трансюманса в традиционном скотоводческом хозяйстве Кавказа — большая заслуга В. М. Шамиладзе. Это стало возможным благодаря, во-первых, проведенному им сплошному полевому этнографическому обследованию скотоводческого хозяйства всей Грузии и ряда соседних с ней районов и, во-вторых, серьезному изучению зарубежной литературы по скотоводству Европы.

Высказанные мною замечания касаются лишь некоторых моментов классификации скотоводства и отдельных терминов. Продиктованы они стремлением подчеркнуть необходимость унификации принципов классификации, понятий и терминов, что крайне важно при подготовке историко-этнографических атласов. Мои замечания отнюдь не умаляют большого научного значения рецензируемого труда для дальнейших исследований не только традиционного хозяйства, но и более широкого круга историко-культурных и социально-экономических проблем. В монографии много интересных мыслей и обобщений, значение которых выходит далеко за рамки этнографии Кавказа. Часть из них вынесена автором в «Заключение», а многие высказаны в ходе анализа материала. Например, причину ограниченного развития трансюманса в Армении и Азербайджане исследователь видит в широком распространении в этих регионах кочевого скотоводства (с. 145). Видимо, поэтому и в Средней Азии, где очень давно и прочно обосновались кочевники, трансюманс не получил развития у оседлого населения горных районов.

На среднеазиатском материале находят подтверждение и такие выводы, как положение о ведущей роли скотоводства в хозяйстве высокогорной части Грузии и Кавказа (с. 258—266), об издавна установившемся единстве хозяйственно-культурных комплексов равнинной и горной частей (с. 302, 321).

Весьма плодотворной представляется гипотеза автора об особом значении отгонного (яйлажного) скотоводства и связанной с ним организации хозяйства в сохранении традиций большой семьи у грузинских горцев (с. 242). Очевидно, то же можно сказать и о горных таджиках, некоторые черты хозяйственно-бытового уклада которых были близки грузинским. На это обратил внимание и автор (с. 242).

Большую ценность представляют содержащиеся в книге сведения о формах собственности на сезонные пастбища и эксплуатации их как оседлым, так и кочевым населением.

Оттенить в краткой рецензии все рассмотренные автором вопросы не представляется возможным. В заключение хочется отметить, что книга В. М. Шамиладзе, ставшая заметным явлением в отечественной этнографии, окажет большую пользу в подготовке историко-этнографических атласов многих регионов нашей страны, а также в ее хозяйственно-культурном районировании. Она, несомненно, привлечет внимание археологов, историков и лингвистов. Однако сказанным не исчерпывается значение рассматриваемого труда: сконцентрированный в нем многовековой народный опыт по рациональному ведению скотоводческого хозяйства, не потерявший своего значения и в наши дни, заинтересует специалистов сельского хозяйства, экономистов, географов.

Таким образом, главная заслуга В. М. Шамиладзе в том, что он успел (очевидцы и знатоки дореволюционного быта и хозяйства нас, увы, не ждут, уходят, и с каждым днем их становится меньше) и сумел с большим знанием и любовью собрать ценнейшие и уже уникальные в значительной своей части полевые материалы и донести их до читателя, приложив немало труда для их систематизации и научной интерпретации.

Б. Х. Кармышева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Этнография на България, т. I — Увод в этнографската наука и социалнонормативна култура. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1980. 375 с.

Рецензируемая книга — первая часть трехтомного сочинения «Этнография Болгарии», которое ожидается с большим интересом как наиболее фундаментальное в болгарской и зарубежной историографии комплексное исследование этой темы. Издание подготовлено Этнографическим институтом и Музеем Болгарской Академии наук